

NADIĀ GEORGIÏVNA KOLOŠUK (Lutsk, Ukraine)
[(НАДІЯ ГЕОРГІЇВНА КОЛОШУК),
NADEŽDA GEORGIEVNA KOLOŠUK,
(НАДЕЖДА ГЕОРГИЕВНА КОЛОШУК),
NADIYA GEORGIIVNA KOLOSHUK]
E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Религиозные мотивы в лирике лагерников ГУЛАГ-а

„Я шепчу стихи, угасая,
Но свечусь ещё верой смутной,
Что в стихах своих воскресаю –
Это суть моя, это суд мой!”¹

(Юрий Грунин)

Речь пойдёт о теме, которая в Украине, как и в России, и в других постсоветских странах, не на острие внимания читателей и исследователей; собственно, она никогда и не попадала в актуальное поле зрения. Некоторым упоминающим термины “лагерная поэзия” или “лагерная проза” (а таких немало в нынешнем интернетном пространстве² и в печатных средствах массовой информации – СМИ), видимо, кажется, что эти сферы творчества находятся вне литературного процесса, не относятся к художественно-эстетическим феноменам культуры³. Творчество известных мастеров, которым удалось всколыхнуть сознание общества лагерной тематикой и при-

¹ *Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*, Москва, 2005, с. 718. Название и датировка отсутствуют. Это стихотворение-миниатюра, оно цитируется полностью.

² Vide ad exemplum: *Лагерные поэты – Форум*, <http://irinaostudina.ucoz.ru/forum/2-66-1> [доступ: 21.12.2012].

³ Анализ критических дискуссий и библиография отзывов о русской лагерной поэзии представлены в диссертации: Д. В. Горева, *Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика*, Воронеж 2011, http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?_openstat=cmVnZXJ1bi5jb207bm9kZThZDE7 [доступ: 17.12.2012].

Исследовательница подчёркивает “несовпадение художественной и исторической ценности лагерных текстов” и считает “объективными” мнения тех критиков, которые “отмечают чрезмерное влияние историко-политического контекста на восприятие творчества узников ГУЛАГа”. Хотя не согласна с теми, кто “вопреки навязываемой воле” составителей гулаговских антологий не собирается “прощать большинству гулаговских стихотворцев и скверную рифму, и корявость слога, как и понятную в их положении передозировку в сантиментах и перехлёст в патетике” (А. Кобенков).

влечь к себе внимание не только на родине, но и за рубежом (Варлам Шаламов, Александр Солженицын, Василий Гроссман, Анна Баркова, Даниил Андреев – эти имена более-менее “на слуху”), считается вроде бы исключением. Такое мнение распространено и в других странах. Например, автор предисловия и составитель собрания польской лагерной лирики Нина Тейлор-Терлецкая считает:

“На дальнейшие цели лагерная лирика не влияла. Абстрагируясь от её эстетической ценности, можно сказать, что она была нужна, даже необходима, создаваема в целях сознательно утилитарных, на общественный заказ. Как безусловный рефлекс, она была неизбежна, как гигиеническое средство – незаменима. В большей мере является пограничьем психологии и социологии”⁴.

На наш взгляд, эта оценка несправедлива. Но опровергнуть её можно только через дальнейшие исследования.

1. Лагерная поэзия как литературный феномен: необходимые уточнения объекта изучения

Несмотря на то, что огромный пласт тюремно-лагерной литературы XX века существует во многих европейских странах и исследуется в разных сферах гуманитаристики⁵, на большей части территории бывшего СССР он до сих пор на периферии литературоведческого процесса, изучается спорадически, моноаспектно, чаще всего на уровне отдельных персоналий. Фактически изучение не переступило черту начального этапа: собирается и публикуется (как правило, усилиями энтузиастов, которые причастны к лагерной судьбе или отдают дань памяти репрессированным родителям⁶) литературный и библиографический материал; появились стихотворные сборники и

⁴ Vide: N. Taylor-Terlecka, *Od Komi do Kołomy. Wiersze poetów polskich [w:] Gulag polskich poetów Od Komi do Kołomy. Wiersze*. Londyn 2001, s. 20.

⁵ Пример такого изучения – книга французского постструктуралиста Цветана Тодорова “*Face à l’extrême*” (“*Лицом к экстремальному*”, 1994). В свете лагерного опыта, представленного мемуаристами – евреями, французами, итальянцами, поляками, русскими, немцами et al., – Тодоров анализировал моральные устои современного человечества.

⁶ Бывшими узниками являются составители антологий лагерной поэзии и альманаха, указанных ниже – Мькола Самийленко (1917-2001), Василь Боровый (р. 1923), Семён Виленский (р. 1928), Мькола Дубас (р. 1932). Сыном многолетнего узника был Юрий Хорунжий (1937-2007) – писатель-документалист и редактор киевского журнала репрессированных “Зона”. Из семьи уничтоженных сталинским режимом украинских крестьян происходил и Олэкса (Алексей) Мусиенко (1935-2002) – инициатор и автор-составитель трёхтомного биографического издания “Алтарь скорби. Мартиролог украинских писателей”. Издано частично: первый выпуск – “С порога смерти: писатели Украины – жертвы сталинских репрессий” (1991).

воспоминания некоторых авторов-узников, подборки стихов и биографические справки в интернете или антологиях etc.

Остановимся на материале украинской и частично русской литератур (для сравнения и выявления общих и различных аспектов), поскольку более широкий охват в рамках статьи не представляется возможным. Будем ссылаться главным образом на немногочисленные антологии лагерной лирики, изданные малыми тиражами и малодоступные широкому читателю, но ценные для исследователя, поскольку дают достаточно широкое представление о материале. Используем литературоведческие и культурологические исследования близких и смежных тем – “возвращённая” литература, повстанческая поэзия 1940-1950-х годов, диссидентское творчество, персоналии отдельных авторов-узников советского режима etc., проведённые украинскими и русскими литературоведами, историками, правозащитниками Л. Алексеевой, С. Виленским, Е. Волковой, И. Дзюбой, Н. Ильницким, Н. Жулинским, М. Коцюбинской, Г. Касьяновым, В. Овсиенко, М. Осадчим, Т. Салыгой, Л. Сееником, Л. Тарнашинской, Н. Холодным, В. Шенталинским, И. Яремчук (Роздольской) et al.

Самая крупная по объёму и тиражу, по охвату разноязычного материала антология “Поэзия узников ГУЛАГа” – почти тысяча страниц, более тысячи произведений, 2500 экземпляров – издана в России в 2005 году; составитель и один из авторов – Семён Самуилович Виленский; включены стихи свыше трёхсот авторов, из них имена шести – неизвестны. Наряду с русскими авторами, помещены и переводы с языков национальных окраин СССР, малых народов и национальных меньшинств Российской Федерации – украинского, грузинского, казахского, удмуртского, якутского, татарского, ингушского, идиш etc.: всего в переводах представлены 45 авторов из 314 (17 литератур, кроме русской).

У этого собрания, созданного в продолжение долгих лет и многотрудных поисков, много достоинств и один существенный в наших глазах изъян: почти все инациональные авторы и некоторые русские представлены не лагерными стихами, а произвольно отобранными из до-лагерного наследия одиночными произведениями. Например, из шестнадцати украинских авторов у пятнадцати переведены и поданы стихи, не имеющие ни к лагерной теме, ни к соответствующему месту создания – тюрьма, лагерь – никакого отношения. Использован вроде бы хронологический метод подачи материала – порядок определён временем начала репрессий против конкретного автора, но репрессированных в одно и то же время много, полная информация об этом отсутствует. В итоге – читать книгу как художественно-документальное свидетельство советской эпохи, лагерной её ипостаси, “чтобы антология

воспринималась как единое целое” (соответственно замыслу составителя)⁷, вряд ли возможно. Временной охват не полон, поскольку большинство авторов – узники сталинских времён. К примеру: ни один из украинских поэтов-узников послесталинского периода в истории ГУЛАГа – наиболее плодотворного и показательного для украинской лагерной лирики и литературы 1950-1980-х годов в целом – в антологию не вошёл.

А ведь это целых три поколения поэтов, ныне известных широкой публике как “шестидесятники”, поскольку приход некоторых из них к читателю стал возможен в “оттепельные” годы. Второй и третий этапы национально-освободительного движения в Украине XX века (1940-1950-е – партизанская война Украинской Повстанческой Армии – и 1960-1980-е годы – диссидентская борьба), в истории несломленного национального духа после поражения “расстрелянного возрождения” 1920-1930-х годов, до сих пор воспринимаются в России предвзято: вызывают болезненное неприятие “украинского буржуазного национализма” – одиозного идеологического жупела советских времён. В комментариях к антологии “Поэзия узников ГУЛАГа” нет ни слова об украинской лирике Сопротивления, а все репрессированные авторы представлены только как жертвы сталинского режима. Умалчивание, на наш взгляд, говорит о произвольном проявлении этого общерусского “коллективного бессознательного” и, главное, существенно искажает картину украинской литературы в глазах читателя.

В 1993 году изданы две украинские антологии: “Из осады ночи”⁸ и “Глазами сердца”⁹. В 1990-1999 опубликованы девять выпусков альманаха “Біль” (Львов; составитель Мыкола Дубас), в которых появились стихи дотоле неизвестных поэтов-лагерников. С 1992 года в Киеве ежегодно выходит один или два выпуска журнала “Зона”, издаваемого ВУТПВІР – Всеукраїнським Товариством Політичних В’язнів і Репресованих. Из них первые 22 выпуска подготовлены бессменным главным редактором Ю. Хорунжим, благодаря которому утвердилась традиция разыскивать и публиковать наряду с известными в литературе мастерами – Григорий Кочур, Иван Свитлычный, Василь Стус – ранее неизвестных репрессированных авторов разных поколений. Лагерная поэзия представлена в этих изданиях довольно широко, но не получила критических отзывов: в единичных рецензиях на издания скупо упомянуты и поэтические подборки.

В 2012 году опубликована новая украинская антология (более 60 авторов, включая нескольких безымянных) – “Поэзия из-за решётки” (издатель-

⁷ Vide: “Предисловие” С. Виленского [in:] *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 11.

⁸ *З облоги ночі: Збірник невідомої поезії України 30-80-х рр.*, М. Самійленко (ред.), Київ 1993, 494 с.

⁹ *Очима серця: Ув’язнена лірика*, В. І. Боровий (ред.), Харків 1992, 384 с.

ство “Смолоскип”)¹⁰. В ней представлена поэзия второй половины XX века, созданная узниками и репрессированными, продолжившими двухвековую традицию украинской тюремно-каторжанской лирики, у истоков которой – классики Тарас Шевченко, Иван Франко, Павло Грабовский. Большинство её авторов, как и поэтов из предыдущих антологий, практически не известны широкому читателю и даже литературоведам. Исключениями являются немногие: В. Стус, И. Калинец, Т. Мельничук, И. Свитлычный. Из творческого наследия некоторых (Б. Антоненко-Давидович, О. Бердник, Г. Кочур, М. Осадчий, Д. Паламарчук, М. Руденко) известны проза или переводы, а не собственные стихи.

Исследования феномена “лагерное творчество” / “лагерная литература” на украинском и русском языках чрезвычайно редки; интернетные поиски выдают результаты, касающиеся почти исключительно “блатной” темы, песен бывших уголовников etc. Всё это, конечно, заслуживает внимания, но речь не о нём, поскольку лагерная поэзия

“равноудалена и от казённой лагерной печати, и от блатных песен и жаргона воровских зон”¹¹
(С. Виленский, “Предисловие”).

У неё другой поэтический диапазон –

“от высочайшей духовной сосредоточенности до простодушных жалобных исповедей”¹²
(С. Виленский, “Предисловие”),

и представляет она не тёмный мир блатной субкультуры – сочащейся болью, гноем и кровью изнанки советского и нынешнего культурного официоза¹³, а андеграунд советской эпохи – потаённую культуру, свидетельствующую о духовном сопротивлении тоталитарному режиму, о том, что духовное и Божеское в человеке этот режим не смог искоренить.

О лагерной поэзии как особом феномене нам удалось обнаружить одну диссертацию на русском языке (где речь идёт только о русской литературе)¹⁴ и ни одной украинской. Поэтому **актуальность** данной работы обусловлена общественным и культурным значением поэзии ГУЛАГа. На наш взгляд, его оценка у С. Виленского вполне справедлива:

¹⁰ *Поэзия із-за ґрат: Антологія*, О. Голуб (упоряд.), передм. Л. Тарнашинська, Київ 2012, 872 с.

¹¹ С. Виленский, “Предисловие”, [in:] *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 11.

¹² *Ibidem*, с. 10.

¹³ По выражению одного из популярных создателей и исполнителей блатного русского шансона Олега Чистякова, – “зазаборье”. Vide: *Чистяков Олег Аркадьевич. Зазаборье* <https://zazaborie.ru> [доступ: 29.12.2012].

¹⁴ Д. В. Горева, *Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика* : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 – рус. л-ра, Воронеж 2011, 163 с.

“Без потаённой поэзии узников ГУЛАГа история советского периода выхолащивается и в значительной мере лишается главного содержания – если главным в истории считать человека, его жизнь и судьбу”¹⁵

(С. Виленский, “Предисловие”).

А **новизна** – выбором материала и почти-отсутствием его научных комментариев, текстуального анализа. **Методологически** наше исследование основано на классических методах литературоведения (историко-литературоведческий и описательный) и современных положениях рецептивной эстетики.

2. Как и для чего создавалась и хранилась лагерная поэзия: свидетельства “до-гутенберговской” эпохи

Поскольку и термин “лагерная поэзия”, и сам материал воспринимается неоднозначно, правомерен вопрос: существует ли она в том виде, в каком мы пытаемся её вычленивать из общего литературного потока современности и недалёкого прошлого, то есть как лирическое творчество узников советских концентрационных лагерей, благодаря знаменитой книге Солженицына получивших понятное во всём мире метафорическое название, – “архипелаг ГУЛАГ”? Стоит ли отделять лагерную лирику от поэзии современного ей “материка” в национальных литературах бывшего СССР? Отличается ли она и её восприятие современниками и нынешними читателями от творчества поэтов, не испытавших лагерной судьбы? Наконец, как аргументировать употребление термина “лагерная поэзия” в том значении, в каком используем его в данном исследовании?

Во-первых, определение “лагерная” употребляем преимущественно в прямом смысле: созданная в лагерях, то есть неотъемлемый элемент лагерной действительности. “Лагерной” называют и документальную прозаическую литературу (*non fiction*), рассказывающую об опыте пережитого узниками, но проза, как правило (за редкими исключениями), создавалась *post factum*, то есть когда авторы оказывались на свободе. Следственно, определение прозы как “лагерной” – условное, по косвенному признаку: оно обозначает тему, касающуюся бытности лагерей, поэтому понятие “лагерная проза” может обозначать и беллетристику, написанную не-очевидцами. Таким образом, термин становится слишком размытым.

Определение “лагерная поэзия” – буквальное и точное; эта лирика потому и бесценна, уникальна, неповторима, особенна (прежде всего, как духовно-эстетический литературный феномен), что создавалась именно в лаге-

¹⁵ С. Виленский, “Предисловие”, *op. cit.*, с. 5.

рях¹⁶. Не-лагерник написать такие стихи не мог и не сможет. Но главное – то, что она помогала выжить и самим авторам, и читателям, а точнее – слушателям, поскольку лагерная поэзия изначально существовала как феномен устного творчества. Она была чудом спасения в буквальном смысле слова – об этом свидетельствуют многие выжившие авторы и их собраты-читатели в несчастье лагерной неволи. То, как поэзия воспринималась в зоне за колючей проволокой и жертвами, и их мучителями – представителями карательной системы, – свидетельство её сакральной функции. Она распространялась в самом лагере, передавалась на волю, возрождалась из забвения за пределами лагеря, становилась поводом к новым репрессиям или хранилась долгие годы в тайне особыми способами, поскольку тоталитарный режим, уничтожив свободу слова, возвратил граждан СССР в “до-гутенберговскую” эпоху. Обстоятельства хранения, скупо рассказанные в комментариях к указанным антологиям, в воспоминаниях узников, трагичны, но поражают человеческим упорством в отстаивании духовных ценностей¹⁷. Все свидетельства уникальных особенностей бытования говорят о том, что у лагерной поэзии было особое предназначение, сродни сакральному Слову – молитве, оберегу, ритуалу, мифу.

Вот поэтическое свидетельство драматурга Александра Гладкова (1912-1976) – пример рефлексии на вечную тему *ars poetica*, в данном случае – “как и для чего пишутся стихи в лагере”:

„Можно жить без всего. (...)
Только дайте нам вволю стихи бормотать
В этом мире, где всё до предела обрыдло.
Время пишет стихи бескорыстные, точно любовь...
Нет, нужнее любви эти горькие, терпкие строки.
Пусть шевелятся губы, в раздумье поднимется бровь,
Нет святей ничего этой самой прекрасной мороки.
(...)”

¹⁶ И создаётся донныне; яркий пример в современной русской литературе – талантливый поэт Евгений Карасёв, с 1993 года публикующий сборники стихов и подборки в журналах. В 1996 г. был удостоен литературной премии года в “Новом мире”, его публикации высоко оценили Ю.Кублановский, О. Чухонцев, Т. Бек и другие представители интеллектуальной элиты. Vide: В. А. Редькин, “Лагерная” поэзия Евгения Карасёва, [в:] *Материалы международной научно-практической конференции “Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания”*, Пермский Государственный Педагогический Университет, 2005. http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005_red.shtml [доступ: 21.12.2012].

¹⁷ С. Виленский в конце своего предисловия высказывает благодарность 43 хранившим стихи лагерников и передавшим их для публикации в антологии – этот ряд, по его признанию, далеко не полон и вряд ли может быть восполнен. Vide: С. Виленский, “Предисловие”, *op. cit.*, с. 13. К сожалению, при публикации лагерной лирики не всегда подаются сведения о том, как она сохранилась.

Значит, время стихам – и ныне и присно вовек,
И в тюрьме, и на нарах, и в бормоте смертной минуты, –
Ведь пока есть стихи, человек до конца человек,
Для себя разорвавший любые наручные пути.”
(Александр Гладков, 1952)¹⁸.

Показательно, что в одной из этих строк звучит словесная формула (архаизм из старославянского – “и ныне и присно вовек”) главной христианской молитвы. Она подтверждает: сущность лагерных стихов в том, что их “бормотанье” сродни проговариванию молитв глубоко верующим человеком. В другом стихотворении – “Читая журналы” (1952) – А. Гладков представил творцов и слушателей лагерной поэзии, противопоставив её “ослепительно гладким” стихам легальной советской литературы:

“Не то что стихи-работяги, в бушлатах и ватных штанах.
Стихи, что живут вне закона...”¹⁹.
(Александр Гладков, *Читая журналы*, 1952)

Способ их бытования и необходимость творчества обозначены предельно:

“Дышу и пишу, как могу,
И мятый, убористый список
Под стелькой сапог берегу”²⁰.
(Александр Гладков, *Читая журналы*, 1952)

Подобных свидетельств можно привести десятки – чуть ли не каждый поэт-лагерник придумывал свою собственную систему конспирации для лагерного творчества, сохранения его в памяти, передачи возможным слушателям. Очевидно, наиболее известный пример – система запоминания длинных стихотворных текстов, с математической точностью и присущей автору дотошностью разработанная А. Солженицыным, о которой он рассказал в мемуарном очерке “Бодался телёнок с дубом” (1967-1975). У лагерников-украинцев для стихотворных списков существовали особые названия: “захалавные”, “подбушлатные” etc. – в зависимости от способа хранения; традиция закреплена в культурной памяти ещё Тарасом Шевченко, писавшим в десятилетней солдатчине свои “захалавні вірші”. Но многие лагерные поэты искали не возможности спрятать, утаить созданное, а счастливый случай

¹⁸ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 812. Названия нет. Стихотворение взято из антологии.

¹⁹ *Ibidem*, с. 813.

²⁰ *Ibidem*, с. 813.

передать его “на волю”. Если случай представлялся, рукописи могли попасть за пределы “малой зоны” и становились поводом для “признания таланта” в специфически гулаговском варианте – следственным материалом для новых обвинений и репрессий.

Судьба лагерного наследия – чаще посмертная судьба. Во многих случаях читаем чудом дошедшие до нас послания из могил. При этом детали авторских судеб воспринимаются как удивительно точные метафоры эпохи: например, судьба Валентина Соколова, известного под псевдонимом З/К или Зэк²¹.

Оуновец²² Владимир Косовский (1923-2000) на каторге не только сам продолжал стихотворчество, начатое в 15 лет, но и с риском для себя сохранил 5 стихотворений погибшего в 1951 году в режимном лагере у Воркуты Ивана Паламарчука, которого за найденные при обыске стихи посадили в карцер; дальнейшая его судьба неизвестна. Косовский не помнил года рождения погибшего, знал только, что тот был одесситом и из-за стихов находился на особом учёте у лагерного оперуполномоченного.

“Стихи, написанные на папиросной бумаге, после ареста поэта принёс мне один из его лагерных друзей. Он нашёл их в шахте в тайнике Ивана Григорьевича. Я их выучил наизусть, эти 110 строк”²³

(Владимир Косовский [в:] *З облоги ночи*) –

сообщил Косовский составителю антологии.

Иногда лагерник не имел никаких творческих амбиций, но упорно сохраняемая поэзия была естественным способом излить душу, поделиться горем и надеждой, попросить о помощи и сочувствии. Вполне закономерно, что в словесную ткань таких обращений к ближним вплетаются молитвы-жалобы, воззвания к Всевышнему как единственному заступнику и хранителю:

„(...) О Боже! Возврати меня
в родную сторону
Украину, может, найду я
счастье, долю
и верную жену”²⁴

²¹ Vide: *ibidem*, с. 778-779.

²² ОУН – Организация Украинских Националистов. Уроженец с. Веприк на Фастовщине, В. Косовский во время Второй мировой войны оказался на оккупированной немцами территории и вступил в ряды ОУН, за что и отбывал двадцатилетний приговор в 1943-1956 годах.

²³ *З облоги ночи...*, с. 280. Текст не имеет названия – это короткая справка в указанной антологии. Мой перевод с украинского.

²⁴ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, *op. cit.*, с. 904-905. Подстрочный перевод с украинского и комментарий С. Виленского.

(неизвестный автор, [в:] *3 облоги ночи*).

Письмо датировано 25 марта 1952 года, написано стихами по-украински, обращено к сестре; неизвестный автор спрятал его между кирпичами в стене дома, в Караганде; видимо, собирался переправить адресату через вольнонаёмных работников Карлага. Много лет спустя пачка писем была обнаружена при ремонте²⁵.

О том, как стихи становились не просто запечатанной бутылочной почтой в океане лагерных бед, но и делом жизни, свидетельствуют не сговариваясь и всё же в один голос многие узники ГУЛАГа, известные и безвестные. К примеру, Евгения Гинзбург (1904-1977), автор знаменитой во всём мире мемуарной книги “Крутой маршрут”, изданной за рубежом (1967, 1970) и два десятилетия ходившей в советском “самиздате”, поместила в ней свои стихотворения, прокомментировав их в послесловии: “Всё, что написано, написано только по памяти. Единственными ориентирами в лабиринтах прошлого являлись при работе над книгой мои стихи, сочинённые тоже без бумаги и карандаша, но благодаря тренированности моей памяти именно на поэзию чётко отпечатавшиеся в мозгу. Я полностью отдаю себе отчёт в ‘самодельном’, кустарном характере моих тюремных и лагерных стихов. Но они заменили мне в какой-то мере отсутствующие блокноты. И в этом их оправдание”²⁶.

Топос “авторской скромности” повторяется во многих свидетельствах и роднит лагерную лирику с традицией религиозной поэзии. Но никаких оправданий не требуется, если подходить к лагерному творчеству с адекватной меркой. А она может быть таковой только тогда, когда читатель знает, ради чего создано и какой ценой оплачено в стихах каждое слово. В. Шаламов, например, считал:

“Пока кровь не выступает на строчках – поэта нет, есть только версификатор”²⁷
(В. Шаламов).

Ему всё-таки доверия больше, чем некоторым нынешним критикам, которым кажется, что они умеют отличать “скверную рифму” от нескверной. Эти стихи создавались не ради изысканных рифм.

Если одни – те, кто выполнял волю власти, – так люто преследовали поэзию, а другие – творцы и хранители – так преданно любили, значит, она действительно обладала огромной, мистически-священной силой. Она

²⁵ Ibidem.

²⁶ Е. Гинзбург, *Крутой маршрут: Хроника времён культа личности*, Москва 1990, с. 593.

²⁷ Е. Волкова, *Урок лагерной поэзии: “Нет, никогда так Пушкин не звучал...”*, www.urokiistorii.ru/media/lit/2873 [доступ: 17.12.2012].

оправдывала муки, которые ради неё готовы были претерпеть её адепты. Среди шести сохранившихся стихотворений Владимира Левицкого, о котором почти ничего неизвестно, кроме сказанного в стихах (датированных 1953-1956 годами в Джезказгане – Темиртау – Челябинске), одно начинается так:

“Мне припаяли восьмерик
За то, что я поэт”²⁸
(Владимир Левицкий, [„... Мне припаяли восьмерик”]).

Но сказано это не жалобно, а непримиримо и с чувством превосходства над “стукачами и палачами”:

“Крыло обрезали мечте,
Поставили клеймо,
Распяли душу на кресте
И бросили в дерьмо”²⁹
(Владимир Левицкий, [„... Мне припаяли восьмерик”]).

Лирический герой полон решимости и дальше оставаться “прямоходячим” в “животном мире зла”³⁰.

3. Религиозные мотивы в андеграундной лирике украинских шестидесятников

Инкриминирование стихов или вообще литературного творчества в качестве главных материалов обвинения – обыденность не только сталинской, но и хрущёвской, и брежневской эпох. Об этом свидетельствуют биографии украинских диссидентов, которых арестовывали и судили – многих неоднократно – в 1960-1980-х годах не менее последовательно, чем в 1940-1950-х и раньше. За стихи получили свои первые и / или последующие сроки Василь Боровый, Владимир Пасичник, Михайло Осадчий, Тарас Мельничук, Игорь Калинец, Ирина Ратушинская, Мыкола Горбаль и многие другие. Наиболее известна в мире судьба Василя Стуса (1938-1985): оба приговора – 1972-го и 1980-го года – держались на обвинениях в “буржуазном национализме”, основанием для которых были стихи. Второй срок – пятнадцатилетний – поэт не закончил, поскольку погиб в карцере концлагеря Кучино около Перми в начале горбачёвской “перестройки”. Стихи, написанные

²⁸ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 793. Владимир Левицкий, „... Мне припаяли восьмерик”.
Дата отсутствует.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Vide: Ibidem.

в тюрьмах и лагерях, у него отбирали, исчезла в тюремных архивах или была уничтожена последняя поэтическая книга “Птица души”, а то, что сохранилось от предыдущих непечатаемых стихов, теперь известно широкому читателю под названием “Палимпсест” – пока мог, поэт упорно восстанавливал утраченное.

Эти примеры – отнюдь не эксклюзив, поскольку из таких фактов складывается чуть ли не каждая диссидентская биография узников-украинцев. Ужасающие масштабы регулярных государственных репрессий (нынешние историки образно называют их “покосами”) были причиной существования истинной – то есть духовно свободной – украинской поэзии во второй половине XX века почти исключительно “за градами”; она становилась “задротяной” (Н. Ильницький)³¹. Закономерно появлялись мотивы сакральной миссии поэта-творца, формировалось восприятие поэтического творчества как жертвенного служения художника своему народу, возникали аналогии лирического героя с распятым Христом, мук узника – с муками Христа. Повсеместны вариации широко используемых мотивов “крестный путь”, “чаша страданий”, Голгофа etc. У каждого поэта образно-стилистическое воплощение этих мотивов своеобразно, передаёт черты индивидуального поэтического таланта, но главные семантические и стилистические коннотации общие.

Именно в лагерной поэзии происходило неминуемое возвращение от насаждаемого в советское время атеистического мировоззрения, единственно возможного в легально публикуемой, подцензурной литературе вплоть до “перестройки”, – к христианским ценностям, к духовному универсуму, связанному с традиционной народной культурой, которая неотрывна от христианства в продолжение тысячелетия. Как писал Мирослав Маринович в публицистически-социологической книге, вобравшей десятилетний опыт его диссидентского заключения,

“в тюрьмах и карцерах душевный нерв человека чрезвычайно оголён, и человек трепетно предстаёт перед Богом без посредников”³²

(Мирослав Маринович, *Українська ідея і християнство...*).

То есть происходила не массовая бездумная переориентация атеистов или далёких от веры людей на квазихристианское мировоззрение и ценности – и неизбежная их профанация, как происходит после распада СССР, а миро-

³¹ “За градами” в переводе с укр. – “за решёткой”, то есть в условиях тюрьмы, заключения; “дріт” – колючая проволока. Vide: М. Ильницький, *Трибуна задротяної літератури*, “Дзвін”, Львів 2003, № 1 (69), с. 123-136. В статье идёт речь об украинском “самиздате” застойного времени.

³² М. Маринович, *Українська ідея і християнство, або Коли гарцюють кольорові коні Апокаліпсису*, Київ 2003, с. 10.

воззренческое перевоплощение – возрождение души каждого из лагерных поэтов. Этот процесс предстаёт во всей его сложности.

Сравнение творчества поэтов-узников, сформированных в советской атеистической среде, и тех, кто вырос в иных условиях, показывает ощутимую разницу. У первых религиозные мотивы редки; их отсутствие не означает отрицания веры, но веру бережно прячут в сокровенный уголок души. Например, в единственном собственном стихотворном сборнике выдающегося переводчика Григория Кочура (1908-1994) “Интинская тетрадь”³³ встречаем только единичные и опосредованные религиозные мотивы. Вселенная для поэта – “храм”, в котором звучит “хрущів хорал”, а небесный свод “цвяхований зорями”, как купол церкви³⁴. Лирический герой маленького сборника из 27 стихотворений называет себя “атеистом”, но это самоопределение звучит парадоксально – “Молитва атеиста”, как и обращение – “Боже Збігу Обставин...”³⁵.

Поэты первого, послевоенного (1940-1950-е годы), и последнего, “пред-перестроечного” (1970-е – начало 1980-х годов) поколений украинских шестидесятников в большинстве остались за бортом легального культурного процесса, то есть в Советской Украине были андеграундом. Судя по нынешним учебникам истории литературы, никакой лагерной поэзии в Украине и не было – “поэтов много, хороших и разных”, репрессированные среди них – единицы. В действительности украинская культура оказалась в катастрофической ситуации, последствия которой ощутимы и влиятельны донныне, спустя более полувека. В тюремно-лагерном творчестве зэка сталинских лагерей, харьковского поэта Василя Борового есть стихотворение 1953 года “Молитва” с посвящением:

“Тим – кого за слово Правди вбили,
Тим – кого за Слово розп’яли
Постагі із мордами горили,
Рицарі торемної імлі”³⁶

(Василий Боровой, *Молитва*, 1953)

[перевод цитаты на русский:

³³ Сборник создан в заполярном лагере Инта, где после войны одновременно оказались многие представители украинской литературы и сформировался литературно-переводческий кружок, в котором интеллигент и политглот Кочур уже тогда был авторитетнейшим мастером и наставником, хотя легализация его переводческой деятельности почти полностью была впереди.

³⁴ Г. Кочур, *Интинський зошит. Вірші 1945-1953 років*, Молодь, Київ 1989, с. 7.

³⁵ *Ibidem*, с. 35.

³⁶ *Очима серця...*, *op. cit.*, с. 38.

„Тем – кого за слово Правды убили,
Тем – кого за Слово распяли
Фигуры с мордами гориллы,
Рыцари тюремной мглы”³⁷
(Василий Боровой, *Молтва*, 1953)]

– и обращением к Украине:

“Земле – поем неозвучених,
Земле – надій розвіяних,
Земле – співців замучених,
Земле – творців розстріляних...”³⁸
(Василий Боровой, *Молтва*, 1953)

[перевод цитаты на русский:

„Земля – поэм неозвученных,
Земля – надежд развеянных,
Земля – певцов замученных,
Земля – творцов расстрелянных”³⁹
(Василий Боровой, *Молтва*, 1953)].

Узники-украинцы осознавали себя пленёнными защитниками погибающей у них на глазах Отчизны-магери. Оттого у поэтов послевоенного поколения (к нему относим и старшего Кочура) и у младших шестидесятников часты аналогии сакрального и поэтического, унаследованные как традиция от модернистской поэзии 1920-х годов, но утратившие аспект эстетства и приобретающие трагический экзистенциальный и героический гражданский смысл. Они полны высокого пафоса, но воспринимать их как “передозировку... и перехлёт в патетике” (А. Кобенков) значит совершенно не ориентироваться в исторической и культурной ситуации, поскольку героика и трагедийность оплачены кровью и страданиями не только выживших, но и тысяч безвестно погибших:

“Я тих повинен бути голосом,
Чис дихання захололо”⁴⁰
(Г. Кочур, „Драконом дротяним поглинутий...”)

[перевод цитаты на русский:

³⁷ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

³⁸ *Очима серія...*, op. cit., ibidem.

³⁹ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁴⁰ Г. Кочур, *Итинський зошит...*, op. cit., с. 12.

„Я тех должен быть голосом,
Чьё дыхание остыло”⁴¹
(Г. Кочур, „Драконом дротяним поглунутий...”)]

– определил свою миссию Г. Кочур в “медитациі” “Драконом дротяним поглунутий...”, молитвенно поклонившись предшественникам-модернистам из “расстрелянного возрождения”:

„...Косинки, Плужника и Зерова
Им’я повік-віків святяться”⁴²
(Г. Кочур, „Драконом дротяним поглунутий...”)]

[перевод цитаты на русский:

„...Косынки, Плужника и Зерова
Имена вовеки веков святятся”⁴³
(Г. Кочур, „Драконом дротяним поглунутий...”)].

И. Свитлычный в сонете “Парнас” из цикла “Камерные мотивы”⁴⁴ благословлял живых современников-поэтов – И. Калинца, Мыколу Винграновского, Василя Голобородько, В. Стуса, Лину Костенко – за возможность приобщиться к поэзии, которую воспринимал как вознесение Духа вопреки угнетающей тюремной реальности:

„(...) І щó ті шмо́ни й допит?
Не вірю в будень, побут, клопіт –
В мізерію, дрібнішу тлі.
Вщухає су́стна тривога.
І в небесах я бачу Бога
І Боже слово на землі”⁴⁵
(И. Свитлычный, „Парнас”, из цикла „Камерные мотивы”)

[перевод цитаты на русский:

„...И что те шмоны и допрос?
Не верю в будний день, быт, хлопоты –
В мелозгу, меньше, чем тля.

⁴¹ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁴² Г. Кочур, *Інтинський зошит...*, op. cit., ibidem.

⁴³ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁴⁴ В названии очевидна игра слов, поскольку цикл создан Свитлычным в камере киевского следственного изолятора после второго ареста в 1972-м и закончен в лагере в 1974-1975 годах.

⁴⁵ І. Світличний, *У мене – тільки слово*, Харків 1994, с. 34. Датировка отсутствует.

Утихає суетна тривога.
И в небесах я вижу Бога
И божье слово на земле⁴⁶
(И. Свиглычный, „Ларнас”, из цикла „Камерные мотивы”).

У представителей всех поколений украинских шестидесятников очевидна шевченковская традиция в сакрализации понятий “родина”, “Украина”: поэты видят родную землю матерью, распятой на кресте, или народ в образе Распятого. Без высокого трагического и пророческого пафоса такой образ трудно представить:

“О ГОСПОДИ, прости!
Вітчизна на хресті!
Замучена!
Розп’ята!”;

“О земле моя, зашкарубла від крові!
Коли у тобі вгомоняться терпіння?!
Коли твої рани, як рани Христові,
Закровоточать в народі сумління?...⁴⁷
(Зиновий Красивський, из цикла „Невольницькі плачі”)

[перевод цитаты на русский:

„О ГОСПОДИ,
прости! /
Отчизна на кресте! /
Замучена! /
Распята!”

„О земля моя, заскорузлая от крови!
Когда в тебе угомонятся терпенья?!
Когда твои раны, как раны Христовы,
Начнут кровоточить в народе совестью?⁴⁸
(Зиновий Красивський, из цикла „Невольницькі плачі”).

[Стихи из цикла Зиновия Красивского „Невольницькі плачі” («Невольницькі плачі»), созданного в 1968-1971 годах во Владимирском центре⁴⁹.]

⁴⁶ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁴⁷ *З облоги ночі...*, оп. cit., с. 177, 182.

⁴⁸ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁴⁹ *З облоги ночі...*, оп. cit., с. 177, 182.

4. Связь с культурной традицией через мотив Воскресения

Связь с патриотической культурной традицией в лагерной поэзии жизненно необходима и осуществляется по-разному. К примеру, у уроженцев Тернопольщины Ивана Гнатюка (1929-2005), Мьколы Дубаса (р. 1932), Степана Сапеляка (1952-2012), Львовщины – Виктора Рафальского (1918-1997), Ирины Сенник (1926-2009), Игоря и Ирины Калинцов (р. 1939 и 1940), Станиславщины – Зиновия Красивского (1929-1991), Ярослава Лесива (1945-1991), Закарпатья и Буковины – Софии Малильо (р. 1926), Йосьпа Тэрэли (1943-2009), Волыни – Евгена Сверстюка (р. 1928) – преобладает молитвенный настрой и высокий трагический пафос. Зато в стихах И. Свитлычного в полемическом споре с властительными демагогами, присвоившими себе монополию абсолютной истины, встречаем и карикатуру, и гротеск, и дерзкую аттестацию лирического героя:

„А я – невіра. Всі олімпи й кліри
Мені до лампочки”

(И. Свитлычный, цикл „Я – дисидент”)⁵⁰

[перевод цитаты на русский:

„А я – неверующий. Все олимпы и клиры
мне до лампочки”⁵¹

(И. Свитлычный, цикл „Я – дисидент)] –

хотя представлена она в ироническом смысле. И. Свитлычный дискредитирует советскую идеологию, развенчивает ореол её фальшивых богов-идолов. Его “камерные” стихи (преимущественно сонеты и сонетные циклы) полемичны, богаты оттенками саркастической иронии и близки к пророческим инвективам, хотя современники помнят “отца украинских шестидесятников” скромным и доброжелательным, мягким в дружеском общении, лишённым лидерских амбиций и яркого ораторского дара⁵².

У поэтов из Западной Украины вера серьёзна и изначальна, поскольку впитана с молоком матери, неотрывна от сакральных и народных традиций, от высших моральных ценностей. Веру не ищут – на неё опираются со смирением и готовностью к наихудшей участи, хотя изредка и допускают сомне-

⁵⁰ І. Світличний, *У мене – тільки...*, оп. cit., с. 112. Фразеологическое выражение “до лампочки” – просторечное и грубоватое – означает “ни к чему”, “всё равно”, “без разницы”.

⁵¹ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁵² Vide: предисловие в указанном сборнике “*У мене – тільки слово*”: М. Коцюбинська, *Іван Світличний, шістдесятник*, с. 5-27.

ния в Божьей справедливости или малодушие в испытаниях, признавая их оправданными Господней волей. В лагерном творчестве И. Гнатюка эта суровая вера звучит декларацией целого поколения:

„Ми всі – в Господній милості і волі...

(...)

На все життя зріднила нас тюрма,
Нам суджено в ній гібти й сконати –
Лише Господь на світі нас трима.

О, як нас тяжко мучать супостати,
Щоб обернути в немічних рабів
І Божу волю в душах потоптати!”⁵³

(И. Гнатюк, из поэмы „Голгофа”, 1954-1980)

[перевод цитаты на русский:

„Мы все – в Господней милости и воле...

(...)

На всю жизнь породнила нас тюрьма,
Нам суждено в ней прозябать и скончаться –
Только Господь на свете нас держит.

О, как тяжко мучают нас супостаты,
Чтобы превратить в немощных рабов
И Божью волю в душах затоптать”⁵⁴

(И. Гнатюк, из поэмы „Голгофа”, 1954-1980)].

Выражение истовой веры находим и у русских поэтов Александра Солодовникова (1893-1974), Нагальи Ануфриевой (1905-1990), Даниила Андреева (1906-1959) из антологии С. Виленского, но в целом мотивы не фигурально, а прямо обозначенных понятий *sacrum*’а в этом собрании – скорее исключение⁵⁵. Такие стихи принадлежат или выходцам из духовного сосло-

⁵³ И. Гнатюк, *Хресна дорога. Вірші та поеми*, Київ 1992, с. 61. Автор этой книги стал поэтом на Колыме, где в 1949 г., в неполных девятнадцать лет, оказался по приговору военного трибунала, выжил на общих работах – освобождён досрочно в 1956 г. из-за туберкулёза – и продолжал упорно писать все последующие годы нелёгкой послелагерной жизни. Своё спасение считал Господней волей, а поэзию – Её средством. В мемуарной книге, законченной в 1994 г., он писал о своём пребывании на 25-летней каторге: “...знал – если не буду писать стихи, скоро погибну”. Vide: И. Гнатюк, *Стежки-дороги: Спомини*, Дрогобич 1998, с. 151. Поэма создана в годы заключения на Колыме и, само собой, хранилась в памяти, датировка первоначального варианта и позднейшей авторской доработки или восстановления по памяти приблизительно.

⁵⁴ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁵⁵ Из комментария Виталия Шенталинского: “Человек глубоко религиозный, А. А. Солодовников представляет особый, редкий пласт поэтического творчества – духовный стих, вдохновлённый верой в Бога”. Vide: *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 515.

вия – Илья Громогласов (1869-1937), Владимир Лозина-Лозинский (1885-1937), Михаил Поздеев (1883-1971)⁵⁶ etc., – или авторам, в сознании которых лагерная бытность совершила мировоззренческий перелом от атеизма к приятию Бога (как у А. Солженицына). Даже сын вологодского священника В. Шаламов (1907-1982) заменял истинные молитвы стихами – в частности, в посвящённом Б. Пастернаку (которого Шаламов считал спасителем своего поэтического таланта⁵⁷) стихотворении 1952 г. “Поэту”:

“...Я повторял стихотворенья
И снова слышал голос твой.
И я шептал их как молитвы,
Их почитал живой водой,
И образком, хранящим в битве,
И путеводною звездой”⁵⁸.
(В. Шаламов, “Поэту”, 1952)

Ни одного прямого обращения к Богу в лирике Шаламова не находим. Но вера или безверие не разделяли узников ГУЛАГа. Читая лагерную поэзию, убеждаемся, что именно в лагерях осуществлялось декларируемое советской конституцией и никогда не реализованное в действительности право личности на свободу совести. Каторжане уважительно относились к своим собратьям, страдающим “за веру”, но каждый отстаивал Бога в одиночку, спасая собственную душу. Навязывать свою веру другим, проповедовать и выставлять её напоказ было не принято. Большинство узников не упорствовали во внешнем соблюдении религиозных ритуалов, другое дело – если ритуал был неотъемлемой частью веры. Как для безымянного героя в стихотворении М. Василенко “Тихий зэк” (1953, Инта):

На Паску тихий зек робити не виходив.
Йому завіт Отця – незайманий закон.
За непокору й бунт опричник безбородий
На зека наліта, мов зранений бізон,
І змушує стоять у молитовній позі
Без роби і взуття на лютотому морозі.

⁵⁶ Михаил Александрович Поздеев – священнослужитель; канонизирован Русской православной церковью в 2002 г. Vide: *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op.cit. с. 61.

⁵⁷ Эссе опубликовано впервые в журнале «Октябрь», 1991, № 7, тобто посмертно; приблизне датування (1970-е годы) вказане у коментарях І. П. Сиротинської, яка була першим публікатором Шаламова. Vide: В. Шаламов, *Поэт изнутри (Секреты стихов или стихи стихов)*, «Октябрь», 1991, № 7. Idem, *Поэт изнутри (Секреты стихов или стихи стихов)*, [в:] *Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе*, сост. и примеч. И. П. Сиротинской., Республика, Москва 1996, с. 434-441.

⁵⁸ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 119.

Але зломити він його ніяк не міг.
Був зеків дивний дух сильніший мук усіх.
Сумління в'язневі стояло на сторожі,
Він твердив знову й знов, що є закони Божі.”⁵⁹
(М. Василенко, “Тихий зэк”, 1953)

[перевод цитаты на русский:

„На Пасху тихий зэк работать не выходил.
Ему завет Отца – неприкосновенный закон.
За непокорство и бунт опричник безбородый
На зэка налетает, как раненый бизон.
И принуждает его стоять в молитвенной позе
Без робы и обуви на лютom морозе.
Но сломить он его никак не мог.
Был у зэка дивный дух, сильнее всех мук,
Совесьть при узнике стояла на страже,
Он твердил вновь и вновь, что есть законы Божьи”⁶⁰
(М. Василенко, “Тихий зэк”, 1953)].

Образ лирического героя М. Василенко роднит с этим персонажем мотив несломленного духа. У многих других лагерников авторское *alter ego* – образ неопита, в поисках дороги к Всевышнему проходящего “кругами ада” (Виталий Гармаш)⁶¹:

“Верую, Учитель, верую.
Помоги неверью моему”⁶²
(Борис Брик, стихотворение “Фома”).

Ассоциации с евангельскими мотивами Распятия и Воскресения наиболее часты: цикл “Колимська Голгофа” И. Гнатюка (1950-1990), стихотворение “Месія” З. Красивского (1970-е годы?), сборник “Строфи із Голгофи” (1982) Т. Мельничука etc. При этом лагерники вовсе не приравнивали свои земные страдания к мукам Сына Божьего, но, безусловно, ассоциировали собственное спасение и перерождение падшего духа с Воскресением: “Мне к лицу нейдёт веноч терновый...” – писал А. Солженицын в стихотворении “Отсюда не возвращаются” в 1950 году, найдя для своего лирического героя точные, психологически и предметно, нюансы изображения:

⁵⁹ М. Василенко, *Архитектура планиди. Поезії (Вибране). 2004*
<http://proavilib.ipsys.net/books/vasilenko/arhitektura/arhit6.htm> [доступ: 09.01.2013].

⁶⁰ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

⁶¹ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit. с. 943.

⁶² *Ibidem*, с. 143. Нет датировки.

“Душу новую, как новое растение,
Я рашу в себе в недоброй гнили тюрем,
Разразись теперь ’освобожденье’, –
Я бы вышел нехотя, сощурен.
На пороге шумного, большого
Долго бы стоял я, бритый и в заплатах.
Это было бы приходом новым,
Это вовсе не было б возвратом!”⁶³

(Александр Солженицын, „Отсюда не возвращаются”).

Речь идёт не об авторских гипертрофированных обидах или заносчивом самолюбовании, упоении своим показательным страданием – в лагерной поэзии их практически не встречаем. Вот лирическая миниатюра поэта-священника из “интинской школы” Мьколы Сармы-Соколовского (1914-2001) “Корни памяти” (видимо, из поздних послелагерных стихов):

“Усе забуду, коли навiк
занурюся в мовчання,
лише в менi прокинеться не раз
страждань минулий час... –
менi болiтиме татуювання
у пам’ять ввiгнане
колючим дротом...
О мiй Народe,
я – це Ти:
своiм терпiнням освяти
мою малесеньку Голготу”⁶⁴.

(Мькола Сарма-Соколовский, „Корни памяти”)

[перевод цитаты на русский:

„Всё забуду, когда навек
погружусь в молчанье,
лишь во мне пробудится не раз
страданий прошедшее время... –
меня будет болеть татуировка
вогнанная в память
колючей проволокой...
О мой Народ,
я – это Ты:
своим терпением освяти
мою малосенькую Голгофу”⁶⁵

(Мькола Сарма-Соколовский, „Корни памяти”)].

⁶³ Ibidem, с. 674-675.

⁶⁴ *Очима серця...*, op. cit., с. 281. Нет датировки.

⁶⁵ Русский перевод: Надежда Георгиевна Колошук.

Убеждение в том, что собственные страдания – “малесенькі” в сравнении с огромной бедой народа и страны, предохраняло от напрасных жалоб и побуждало к не демонстрируемой, но несломленной стойкости. Чаще других используемые жанровая и интонационно-стилистическая формы лагерных стихов – одинокая молитва и псалом. Мотив смирения, просветления верой и воскресения Духа через страдание встречается намного чаще, чем безутешные сетования и нарекания на несправедливость свыше:

„Благо мне, что я пострадал,
Дабы научиться уставам Твоим”
(Александр Солодовников, “Тюрьма”, 1920)–

в такой форме цитировал псалом Александр Солодовников в стихотворении “Тюрьма” в 1920 году⁶⁶.

„Ты дал мне высший дар. Дар примирённой веры”,
(Юрий Галь, [Нет названия], 1943)–

вторит Юрий Галь в 1943-м⁶⁷.

Мотив отказа от Божьей благодати встречаем редко, он окрашен стоическим отчаянием – будь то скептицизм Елены Ильзен-Грин:

“Не в Бога я, милый, не верую,
Я мира его не приемлю”⁶⁸
(Елена Ильзен-Грин, “Богу”, 40-50-е годы)

или максималистское упрямство Ариадны Эфрон:

“Глину покруче меси, /
Крепче нащупай ребро, /
Господи Боже! /
(...)
Только души мне не надо. /
Возьми мою душу себе. /
Будет твоя. Сам поживи с ней, попробуй!”⁶⁹
(Ариадна Эфрон, “Ночная молитва”, 1951).

⁶⁶ *Поэзия узников ГУЛАГа...*, op. cit., с. 516.

⁶⁷ *Ibidem*, с. 681.

⁶⁸ *Ibidem*, с. 761.

⁶⁹ *Ibidem*, с. 537.

Или мрачное безверие Анны Барковой:

“Нет, мы не Божьи дети,
И нас не пустят в рай,
Готовят на том свете
для нас большой сарай”⁷⁰

(Анна Баркова, “Российская тоска”, 1974).

Для всех, даже для атеистов, ГУЛАГ оказался противоположной стороной в образном мироустройстве, разделённом на свет и тьму, – земным воплощением ада, страшнее самых страшных фантазий об *inferno* (“...Это даже не ад Данте...” – Е. Ильзен-Грин)⁷¹. Но это уже другая тема в исследовании лагерной поэзии.

Подводя **итоги**, утверждаем: в литературоведческом изучении поэзию ГУЛАГа целесообразно выделять как уникальный духовно-эстетический феномен, поскольку её порождает особая действительность, отличает от современной литературы “до-гутенберговский” способ создания, бытования и распространения стихов – устная форма, сохраняемая подчас усилиями многих людей, для которых поэтическое слово приобретает функции слова сакрального. Отстоять духовную свободу Человека перед лицом современного варварства, воплощённого в тоталитарном Молохе, оказалось возможным только через поэтическое творчество. Таким образом, поэзия стала близка молитве, плачу, псалму, заклинанию, оберегу.

По сравнению с “обычной” лирикой, в лагерной возрастает насыщенность религиозными мотивами: образы-символы крестного пути, распятия, Христовых мук, чаши страданий, Голгофы, мученической смерти, несломленного Духа, Божьего чуда, молитвы о спасении, материнской молитвы, Божьего прощения, Распятия и Воскресения – вот далеко не полный перечень наиболее часто употребляемых поэтами-лагерниками. Подпольная поэзия ГУЛАГа возвращала в языковой и культурный обиход религиозные мотивы и символы, которые искоренялись в легально публикуемой литературе, память о них должна была, по замыслу блюстителей советской идеологии, исчезнуть. Насколько бескомпромиссной была борьба и почему в ней не смог победить советский “новояз” / newspeak, можно понять благодаря поэтам-узникам: культурная традиция в их творчестве, не прерываясь, выявлена множественными религиозными мотивами – об этом свидетельствует лирика украинских шестидесятников трёх поколений из разных регионов Украи-

⁷⁰ Ibidem, с. 232.

⁷¹ Ibidem, с. 759.

ны. Целый ряд мотивов – в частности, связанные с ГУЛАГом как воплощением *inferno* – оказались за пределами данного исследования.

Уроки кровавого XX века опровергли многие эстетские предубеждения модернистской поры относительно классических форм поэзии. Стереотипные мнения о незначительной эстетически-поэтической ценности лагерной лирики безосновательны. Видимая простота, безыскусность стиля, преобладание традиционной стихотворной поэтики сами по себе не являются недостатками, ведь эта лирика предназначалась для устного восприятия и запоминания. Её простота неотделима от ковanej чёткости и смелости высказывания, афористичности “горьких строк”, которые оказались “нужнее любви” (А. Гладков). Да и не все поэты-лагерники чуждались формальных и стилистических экспериментов, в чём убеждаемся, к примеру, знакомясь с творчеством Г. Кочура, М. Сармы-Соколовского, И. Гнатюка, И. Калинца, В. Стуса, Т. Мельничука et al. Таким образом, ещё раз подтверждается тезис о необходимости дальнейшего изучения лагерной поэзии – как целостного феномена и персонального наследия её творцов.

The Title in English:

Religious Motifs in the Lyrics of the Inmates of the Gulag

Abstract (Summary)

Camp poetry, which belongs to the underground branch of Soviet culture, indicates spiritual resistance to the totalitarian regime and underlines the fact that the regime didn't manage to uproot the spiritual and godlike qualities in human beings. The topicality of the research consists in investigating the social and cultural meanings of Gulag poetry, and the novelty of the research lies in the choice of the material which has not been analyzed and critically commented upon before. Methodologically, the study makes use of the classical methods of literary criticism (drawing on elements of literary history, historical comparative studies, typology and biography) and modern approaches of receptive aesthetics, hermeneutics, structuralist and semiotical analysis. The purpose of the research is a presentation and examination of religious motifs in the Ukrainian and Russian camp lyrics included in a few anthologies which are valuable for the researcher because they contain poetic material so far rarely dealt with critically.

Main results. Camp poetry spread in the camp itself, then passed out of the camp, was revived from oblivion outside the camp and had been kept secret, passed on verbally for many years by many people. The evidence of the unique peculiarities of its existence shows that it had particular functions and meaning which refer only to the sphere of the sacred, being linked to prayer, amulet, ritual, myth. Prayer, psalm, lamentation and song became the most useful generic forms. Poetry was,

literally, a miracle of salvation – many authors who survived the camp can testify to that (e.g. Ivan Hnatyuk).

Camp poetry is saturated with religious motifs expressed in the images that are symbolic of Christianity: the Cross, the Crucifix, Christ's sorrows, the chalice of suffering, Calvary. The motifs also include martyr's death, unbroken spirit, God's miracle, prayer about salvation, Christmas, absolution of sins and Resurrection. In comparison with the literature published officially i.e. 'continental' literature, the lyrics of "the Gulag Archipelago" demonstrate a greatly increased amount of such religious symbols and images. This list of religious motifs which have been used by poets-inmates is incomplete: there are a number of religious motifs which have not been included in the present research. There is no doubt that a further study of the camp heritage is called for.

The opinions of aesthetically low poetic value of camp lyrics are insubstantial. The lyrics' distinctive features are simplicity, naivety of the style, prevalence of classical means of versification as poems were destined for verbal perception and remembering. But simplicity is inseparable from terse clearness and boldness of statement, which gives many poems an aphoristic character. Many camp poets didn't need formal and stylistic experiments to express their meaning and the works of the Ukrainian poets of the postwar generation of the 1960s provides evidence in this respect. Their works are not well known to the readers and have not been studied in depth in modern Ukraine (H. Kochur, M. Sarma-Sokolovskyi, M. Vasilenko, I. Hnatyuk).

Tytuł polski:

Motywy religijne w liryce łagierników Gulagu

Abstrakt po polsku / Streszczenie polskie / Abstract (Summary) in Polish:

Poezja łagrowa stanowiła podziemie kultury sowieckiej. Świadczyła o sprzeciwie wobec totalitarnego reżimu oraz o tym, że duchowość i uczciwość nie mogły być przez reżim komunistyczny wykorzenione w człowieku. Aktualność zagadnienia jest uwarunkowana ważnością społeczną i kulturalną poezji łagrowej, a nowość ujęcia tematu polega na wyborze oryginalnego materiału i wynika z faktu dotychczasowej nieobecności komentarzy naukowych i analiz tekstowych w tym zakresie (na Ukrainie). Metodologicznie badanie opiera się o klasyczne metody literaturoznawstwa (historyczno-literacką i opisową) oraz o współczesne pozycje estetyki receptywnej. Celem artykułu było opanowanie (zbadanie) motywów religijnych w ukraińskiej i rosyjskiej liryce łagrowej, przedstawianej przede wszystkim przez nieliczne antologie, które są cenne dla badacza przez to, że dają dość szeroki przegląd mało znanego materiału. Główne wyniki analizy. Poezja łagrowa rozpoznała się w łagrach, przedstawiała się na wolność, odradzała się z odrętwie-

nia poza granicami obozu, długie lata żyła w ukryciu dzięki wysiłkom wielu osób, przeważnie w formie ustnej. Wszystkie świadectwa o unikatowości i osobliwości jej istnienia mówią o tym, że owa poezja pełniła istotne funkcje, które mogą być porównywalne tylko ze znaczeniem sakralnego Słowa-modlitwy, strażnika pamięci, rytuału, mitu. Wymagalnymi gatunkowymi (stylistycznymi) formami liryki obozowej stały się: modlitwa, psalm, lament (lamentacja), pieśń. Poezja była cudem zbawienia w dosłownym znaczeniu tego słowa, o czym świadczą liczni autorzy łagrowi, którzy przeżyli łagier, na przykład Iwan Hnatiuk.

W podziemnej liryce „archipelagu GUŁAG”, w porównaniu z tzw. „literaturą kontynentalną” (czyli legalną), wzrastało nasycenie motywami religijnymi, pojawiały się obrazy-symbole drogi krzyżowej, ukrzyżowania, mąk Chrystusowych, kielicha cierpień, Golgoty, śmierci męczeńskiej, Ducha niezłomnego, cudu Bożego, modlitwy o zbawienie, Bożego Narodzenia, Bożego przebaczenia, Zmartwychwstania. To zaledwie niepełny, przykładowy spis motywów najczęściej używanych przez poetów-łagierników. Jednak istnieje cały szereg wątków religijnych, które wykraczają poza zakres badawczy niniejszego artykułu. Postuluje się systematyczne przebadanie poetyckiego dziedzictwa łagrowego.

Opinie o niskiej (pod względem estetyczno-poetyckim) wartości liryki łagrowej są nieuzasadnione. Dla tejsze liryki charakterystyczne są następujące cechy: widoczna łatwość, naturalność stylu, dominacja klasycznych środków poetyki wierszowej (rymowanej, rytmicznej), ponieważ była przeznaczona dla percepcji słuchowej i łatwego zapamiętywania w ustnym przekazie. Jednak prostota jest nieodłączna od ‘twardości’, wyrazistości ekspresji, śmiałości wyrażen i aforystyczności. Wielu poetów-łagierników nie stroniło od formalnych i stylistycznych eksperymentów, o czym można się przekonać na przykładzie twórczości tzw. ‘sześćdziesiątników’ ukraińskich z generacji powojennej (I. Hnatiuk, H. Koczur, M. Sarma-Sokołowski, M. Wasyleńko oraz inni). Owa twórczość współcześnie na Ukrainie jest mało znana czytelnikom i niezbadana przez literaturoznawców.

Kluczowe słowa:

poezja obozowa (poezja łagrowa), podziemie, motywy religijne, ustna forma przekazu, obrazy-symbole, trzy generacje ‘sześćdziesiątników’ ukraińskich, poeci-dysydenci.

Аннотация / Abstract / Summary (in Russian):

Религиозные мотивы в лирике лагерников ГУЛАГа

Лагерная поэзия – андеграунд советской культуры, свидетельствующий о духовном сопротивлении тоталитарному режиму, о том, что духовное и Божеское в человеке он не смог искоренить. Актуальность исследования обусловлена общественным и культурным значением поэзии ГУЛАГа, а

новизна – выбором материала и почти-отсутствием его научных комментариев, текстуального анализа. Методологически исследование базируется на классических методах литературоведения (историко-литературный и описательный) и современных положениях рецептивной эстетики. Цель – изучение религиозных мотивов в украинской и русской лагерной лирике, прежде всего представленной в немногочисленных антологиях, которые ценны для исследователя тем, что дают достаточно широкий обзор малоизученного материала. Главные выводы. Лагерная поэзия распространялась в самом лагере, передавалась на волю, возрождалась из забвения за пределами лагеря, хранилась долгие годы в тайне усилиями многих людей, преимущественно в устной форме. Все свидетельства уникальных особенностей её бытования говорят о том, что у неё были особые функции и значение, которые сродни только сакральному Слову – молитве, оберегу, ритуалу, мифу. Востребованными жанрово-стилистическими формами лагерной лирики стали молитва, псалом, плач, песня. Поэзия была чудом спасения в буквальном смысле слова – об этом свидетельствуют многие выжившие авторы (например, Иван Гнатюк).

В лирике “архипелага ГУЛАГ”, по сравнению с “материковой” / легальной литературой возрастает насыщенность религиозными мотивами: образы-символы крестного пути, распятия, Христовых мук, чаши страданий, Голгофы, мученической смерти, несломленного Духа, Божьего чуда, молитвы о спасении, Рождества, Божьего прощения, Воскресения – вот далеко не полный перечень наиболее часто употребляемых поэтами-лагерниками. Но есть целый ряд религиозных мотивов, которые оказались за пределами данного исследования – требуется персональное изучение лагерного наследия.

Мнения о невысокой эстетически-поэтической ценности лагерной лирики безосновательны. Ей присущи видимая простота, безыскусность стиля, преобладание классических средств стихотворной поэтики, поскольку она предназначалась для устного восприятия и запоминания. Но простота неотделима от кованой чёткости и смелости высказывания, афористичности. Многие поэты-лагерники не чуждались формальных и стилистических экспериментов, как убеждаемся на примере творчества украинских шестидесятников послевоенной генерации, чьё творчество в современной Украине мало известно читателям и практически не изучено (Г. Кочур, М. Сарма-Соколовский, М. Василенко, И. Гнатюк etc.).

Ключевые слова:

лагерная поэзия, андеграунд, религиозные мотивы, устная форма передачи, образы-символы, три генерации украинских шестидесятников, поэты-диссиденты.

Библиография / Бібліографія / Bibliography / Bibliografia:

Библиография кириллицей / Бібліографія за кириличною абеткою / The Bibliography in the Cyrillic Alphabet / Bibliografia w cyrylicy:

- Василенко М., *Архитектура планиды. Поезії (Вибране)*. 2004
<http://proavilb.ipsys.net/books/vasilenko/arhitektura/arhit6.htm> [доступ: 09.01.2013].
- Волкова Е., *Урок лагерной поэзии: "Нет, никогда так Пушкин не звучал..."*,
www.urokiistorii.ru/media/lit/2873 [доступ: 17.12.2012].
- Гинзбург Е., *Крутой маршрут. Хроника времён культа личности*, Советский писатель, Москва 1990, 608 с.
- Гнатюк І., *Стежки-дороги: Спомини*, Видавничка фірма "Відродження", Дрогобич 1998, 496 с.
- Гнатюк І., *Хресна дорога. Вірші та поеми*, Український письменник, Київ 1992, 192 с.
- Горева Д. В., *Поэзия ГУЛАГа: проблематика и поэтика*: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 – рус. л-ра. Воронеж 2011, http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?_openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZTthZDE7 [доступ: 17.12.2012].
- З облоги ночі: Збірник невідомої поезії України 30-80-х рр.* М. Самійленко (ред.), Український письменник, Київ 1993, 494 с.
- Льницький М., *Трибуна задротяної літератури*, "Дзвін", Львів, 2003, № 1 (69), с. 123-136.
- Кобенков А., *Дни позора и печали* (рец.): *Поэзия узников ГУЛАГа. Антология*, С. С. Виленский (сост.), изд-во Материк, Москва 2005, 990 с. [в:] "Знамя", 2006, № 6, с. 212-214.
- Кошобинська М., *Іван Світличний, шістдесятник*, [в:] Світличний І., *У мене – тільки слово*, Фолио, Харків 1994, с. 5-27.
- Кочур Г., *Інтинський зошит. Вірші 1945-1953 років*, передм. В. Скуратівського, Молодь, Київ 1989, 40 с.
- Лагерные поэты – Форум*, <http://irinaostudina.ucoz.ru/forum/2-66-1> [доступ: 21.12.2012].
- Маринович М., *Українська ідея і християнство, або Коли гарцюють кольорові коні Апокаліпсису*, Дух і Літера, Київ 2003, 548 с.
- Очима серця: Ув'язнена лірика*, В. І. Боровий (ред.), Основа, Харків 1992, 384 с.
- Поэзия із-за ґрат: Антологія*. О. Голуб (ред.); передм. Л. Тарнашинська. Смолоскип, Київ 2012, 872 с.
- Поэзия узников ГУЛАГа: Антология*. С. С. Виленский (ред.), МФД, Материк, Москва 2005, 992 с.
- Редькин В. А., "Лагерная" поэзия Евгения Карасёва, [в:] *Материалы международной научно-практической конференции "Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания"*, Пермский Государственный Педагогический Университет, [Перм] 2005 г. http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005_red.shtml [доступ: 21.12.2012].
- Світличний І., *У мене – тільки слово*, Фолио, Харків 1994, 432 с.
- Шаламов В., *Поэт изнутри (Секреты стихов или стихи стихов)*, «Октябрь», 1991, № 7
- Шаламов В., *Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе*, сост. и примеч. И. П. Сиротинской., Республика, Москва 1996, 479 с.
- Шаламов В., *Поэт изнутри (Секреты стихов или стихи стихов)*, [в:] *Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе*, сост. и примеч. И. П. Сиротинской., Республика, Москва 1996, с. 434-441.
- Чистяков Олег Аркадьевич. *Зазаборье*, <https://zazaborie.ru> [доступ: 29.12.2012].

**Библиография в латинском алфавите /
Бібліографія латиницею /
The Bibliography in the Latin Alphabet /
Bibliografia w alfabecie łacińskim:**

Gulag polskich poetów. Od Komi do Kołomy. Wiersze, wybór wierszy i przedmowa Nina Taylor-Terlecka, Polska Fundacja Kulturalna, Londyn 2001, ss. 181.

Taylor-Terlecka N., *Od Komi do Kołomy. Wiersze poetów polskich* [w:] *Gulag polskich poetów Od Komi do Kołomy. Wiersze*. Londyn 2001, s. 5-20.

Todorov T., *Face à l'extrême*, Seuil, Paris cop. 1991, ss. 345.

**Библиография в транслитерации на латиницу /
Бібліографія в транслітерації на латиницю /
The Bibliography Transliterated into the Latin Alphabet /
Bibliografia transliterowana na alfabet łaciński:**

Čystâkov Oleg Arkad'evič. *Zazabor'e*, <https://zazaborie.ru> [Dostup (Access): 29.12.2012].

Ginzburg E., *Krutoj maršrut. Hronika vremën kul'ta ličnosti*, Sovetskij pisatel', Moskva 1990, ss. 608.

Gnatûk I., *Stežki-dorogi: Spomini*, Vidavniča firma „Vidrodžennâ”, Drogobič 1998, ss. 496.

Gnatûk I., *Hresna doroga. Virši ta poemi*, Ukraïns'kij pis'mennik, Kiïv 1992, ss. 192.

Goreva D. V. *Poëziâ GULAGa: problematika i poëtika*: dis. ... kand. filol. nauk : 10.01.01 – rus. l-ra. Voronež 2011, <http://www.dissercat.com/content/poeziya-gulaga?openstat=cmVmZXJ1bi5jb207bm9kZThZDE7> [Dostup (Access): 17.12.2012].

Il'nic'kij M., *Tribuna zadrotânoï literaturi*, “Dzvin”, L'viv 2003, 1 (69), s. 123-136.

Kobenkov A. *Dni pozora i pečali* (rec.) *Poëziâ uznikov GULAGa. Antologîâ*, S. S. Vilenskij (sost.), izd-vo Materik, Moskva 2005, 990 s. [v:] „Znamâ”, 2006, 6, s. 212-214.

Kocûbins'ka M., *ĭvan Svitličnij, šistdesâtnik*, [v:] Svitličnij ĭ., *U mene – til'ki slovo*, Folio, Harkiv 1994, s. 5-27.

Koćur G., *Intins'kij zošit. Virši 1945-1953 rokiv*, Kiïv 1992.

Lagernye poëty – *Forum*, <http://irinaostudina.ucoz.ru/forum/2-66-1> [Dostup (Access): 21.12.2012].

Marinovič M., *Ukraïns'ka ideâ i hristiânstvo, abo Koli garciût' kol'orovi koni Apokalipsisu*, Duh i Litera, Kiïv 2003, ss. 548.

Očîma sercâ: Uv'âznena lirika, V. ĭ. Borovij (red.), Osnova, Harkiv 1992, ss. 384.

Poëziâ iz-za ģrat: Antologîâ, O. Golub (red.), peredm. L. Tamašins'ka, Smoloskip, Kiïv 2012, ss. 872.

Poëziâ uznikov GULAGa. Antologîâ, S. S. Vilenskij (sost.), izd-vo Materik, Moskva 2005, ss. 990.

Red'kin V. A., „Lagernaâ” *poëziâ Evgeniâ Karasëva*, [v:] *Materiały meždunarodnoj naučno-praktičeskoj konferencii „Sovremennaâ russkaâ literatura: problemy izučeniâ i prepodavaniâ”*, Permskij Gosudarstvennyj Pedagogičeskij Universitet, [Perm] 2005 g. http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005_red.shtml [Dostup (Access): 21.12.2012].

Svitličnij ĭ., *U mene – til'ki slovo*, Folio, Harkiv 1994, ss. 432.

Šalamov V., *Poët iznutri (Sekrety stihov ili stihhi stihov)*, «Oktâbr'», 1991, No. 7.

Šalamov V., *Neskol'ko moih žiznej: Proza. Poëziâ. Èsse*, sost. i primeč. I. P. Sirotinskoj, Respublika, Moskva 1996, ss. 479.

Šalamov V., *Poët iznutri (Sekrety stihov ili stihhi stihov)*, [v:] *Neskol'ko moih žiznej: Proza. Poëziâ. Èsse*, sost. i primeč. I. P. Sirotinskoj, Respublika, Moskva 1996, c. 434-441.

Vasilenko M., *Arhitektura planidi. Poezii (Vibrane)*, 2004

<http://proavilib.ipsys.net/books/vasilenko/arhitektura/arhit6.htm> [09.01.2013].

Volkova E., *Urok lagernoj poezii: "Net, nikogda tak Puškin ne zvučal..."*,

www.urokiistorii.ru/media/lit/2873 [Dostęp (Access): 17.12.2012].

Z oblogi nočī: Zbirnik nevil'ničoi poezii Ukraïni 30-80-h rr. M. Samijlenko (red.), Ukraïns'kij pis'menik, Kiïv 1993, ss. 494.

Information about the Author in English:

Nadiya Georgijivna Koloshuk (Prof. Ph.D., D.Sci., Doctor of Philology, Professor) graduated from T. H. Shevchenko Kyiv State University in 1982 with a specialty in philology in the Russian language and Russian literature. She is employed at Lesya Ukrainka Eastern European National University in Lutsk, Ukraine as a professor in the Department of Literary Theory and Foreign Literature. She is an expert in literature as a Slavist. Her dissertation, *The author's position in the modern prose about the village (based on the materials of the autobiographic works by V. Astafiev, M. Karim, M. Alekseiev)*, was defended in 1991. Her doctoral dissertation, *Prison-camp Prose as a Literary Phenomenon of the 20th Century (on the Basis of Ukrainian, Russian, Belarusian and Polish Literature)* was defended in 2007 in T. H. Shevchenko Institute of Literature of The National Academy of Sciences of Ukraine in Kyiv. Her specialties were in Ukrainian and Slavic literature. She published two books and over 130 articles (without coauthors) in Ukraine, Russia, Belarus and Poland. In 2006, she published the monograph, *The Camp Prose in the Paradigm of Post Modernism* in Lutsk. In 2010, she published *Ivan Bahrianyi: The Dominants of Creative Work and the Problems of Study* in Lutsk. Her e-mail address is [n_koloshuk\[at\]ukr.net](mailto:n_koloshuk[at]ukr.net)

Informacja o Autorce (po polsku) / Information about the Author in Polish:

Nadzieja Georgijówna Kološuk, Nadiâ Georgiïvna Kološuk [Nadežda Georgievna Kološuk, Nadiya Georgijivna Koloshuk (Надія Георгіївна Колошук, Надежда Георгиевна Колошук)]. (Prof. Ph.D., D.Sci.), doktor habilitowany filologii, profesor, literaturoznawczyni, slawistka. Ukończyła studia w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie w 1982 roku, specjalność – filolog-rusycysta. Profesor Katedry Teorii Literatury i Literatury Obcej w Instytucie Filologii Wschodnioeuropejskiego Narodowego Uniwersytetu imienia Łesi Ukrainki w Łucku (Ukraina). Pracę kandydacką pt. *Pozycja autorska we współczesnej prozie o wsi (na podstawie autobiograficznych dzieł V. Astaf'eva, M. Karima, M. Alekseeva)* obroniła w 1991 roku w Państwowym Uniwersytecie imienia Tarasa Szewczenki w Kijowie. Specjalność – «Literatura narodów ZSRR». Pracę doktorską na temat *Proza obozowa jako zjawisko literackie XX wieku (na podstawie ukraińskiej, rosyjskiej, białoruskiej i polskiej literatury)* obroniła w 2007 roku w Instytucie Literatury imienia Tarasa Szewczenki Narodowej Akademii Nauk Ukrainy (Kijów); specjalność: „literatura ukraińska” + „literatura narodów słowiańskich”. Opublikowała dwie książki i ponad 130 artykułów (bez współautorów) ogłoszonych na Ukrainie, Białorusi, w Rosji i Polsce. Autorka książek: *Proza obozowa w paradygmacie postmoderny. Monografia* (Łuck 2006); *Ivan Bahrânij: Dominanty twórczości a problemy badawcze. Podręcznik* (Łuck 2010). Krąg zainteresowań naukowych: historia literatury ukraińskiej i literatur słowiańskich XX wieku, literatura dokumentalna ([literatura faktu] czyli *non fiction*), komparatystyka literacka, studia postkolonialne, etnoimagologia. E-mail: [n_koloshuk\[at\]ukr.net](mailto:n_koloshuk[at]ukr.net)

Informace o autorovi (v češtině) / Information about the Author (in Czech):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filologie, profesorka, literární vědkyně, slavistka. V r. 1982 vystudovala ruskou filologii na Státní univerzitě Tarase Ševčenka v Kyjevě. Je profesorkou Katedry teorie literatury a cizích literatur v Ústavu filologie Východoevropské národní univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku na Ukrajině. V r. 1991 obhájila kandidátskou práci *Autorská pozice*

v současné próze o venkově (na základě autobiografických děl V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva) na Státní univerzitě Tarase Ševčenka v Kyjevě ve specializaci Literatura národů SSSR. V r. 2007 obhájila doktorskou práci na téma *Próza s tematikou koncentračních táborů jako literární jev 20. století (na základě ukrajinské, ruské, běloruské a polské literatury)* v Ústavu literatury Tarase Ševčenka Národní akademie věd Ukrajiny v Kyjevě ve specializaci Ukrajinská literatura a literatura slovanských národů. Vydala dvě knihy a více než 130 článků (bez spoluautorů) na Ukrajině, v Bělorusku, v Ruské federaci a v Polsku. Je autorkou knih *Próza s tematikou koncentračních táborů v postmoderním paradigmatu, Monografie* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výzkumné problémy. Příručka* (Luck 2010). Oblasti vědeckého zájmu: dějiny ukrajinské literatury a slovanských literatur 20. století, dokumentární literatura (literatura faktu – *non fiction*), literární komparatistika, postkoloniální studia, etnoimagologie. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[český překlad: Libor Martinek]

Informácie o autorke (v slovenčine) / Information about the Author (in Slovak):

Nadija Georgijevna Kološuková, Prof. Ph.D., D.Sci., docentka filológie, profesorka, literárna vedkyňa, slavistka. V r. 1982 ukončila štúdium ruskej filológie na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenka v Kyjeve. Je profesorkou Katedry teórie literatúry a cudzích literatúr v Ústave filológie Východoeurópskej národnej univerzity Lesy Ukrajinky v Lucku (Ukrajina). V r. 1991 obhájila dizertačnú prácu *Autorská pozícia v súčasnej próze o dedine (na základe autobiografických diel V. Asafjeva, M. Karina a M. Alexejeva)* na Štátnej univerzite Tarasa Ševčenka v Kyjeve v špecializácii Literatúra národov ZSSR. V r. 2007 obhájila doktorskú prácu na tému *Próza s tematikou koncentračných táborov ako literárny jav 20. storočia (na základe ukrajinskej, ruskej, bieloruskej a poľskej literatúry)* v Ústave literatúry Tarasa Ševčenka Národnej akademie vied Ukrajiny (Kyjev) v špecializácii Ukrajinská literatúra a literatúra slovanských národov. Vydala dve knihy a viac ako 130 článkov (bez spoluautorov) na Ukrajine, v Bielorusku, v Ruskej federácii a v Poľsku. Je autorkou knih *Próza s tematikou koncentračných táborov v paradigme postmoderny. Monografia* (Luck 2006), *Ivan Bahránij: Dominanty tvorby a výskumné problémy. Príručka* (Luck 2010). Oblasti vedeckého záujmu: dejiny ukrajinskej literatúry a slovanských literatúr 20. storočia, dokumentárna literatúra (literatúra faktu, t. j. *non fiction*), literárna komparatistika, postkoloniálne štúdiá, etnoimagológia. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

[slovenský preklad: Ivica Hajdučeková]

Информация об авторе (по-русски) / Information about the Author (in Russian):

Надежда Георгиевна Колошук, доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы и зарубежной литературы Восточноевропейского национального университета имени Леси Украинки, город Луцк, Украина. Закончила филологический факультет Киевского государственного университета имени Т. Г. Шевченко в 1982 году; специальность – филолог-русист («филолог, преподаватель русского языка и литературы»). Кандидатская диссертация на тему «*Авторская позиция в современной прозе о деревне (на материале автобиографических произведений В. Астафьева, М. Карима, М. Алексева)*»; защита состоялась в 1991 году в Киевском государственном университете имени Т. Г. Шевченко. Специальность – «Литература народов СССР». Докторскую диссертацию на тему «*Лагерная проза как литературный феномен XX века (на материале украинской, русской, белорусской и польской литературы)*» защитила в 2007 году в Институте литературы имени Т. Г. Шевченко Национальной академии наук Украины (Киев). Специальность – «украинская литература» + «литература славянских народов». Опубликовала две книги и свыше 130 статей (без соавторов) в Украине, России, Беларуси, Польше. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006);

Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник (Луцьк 2010). Научная специализация: литературовед, славист. Научные интересы: история украинской и славянских литератур XX века, документальная / нефикционная литература, сравнительное литературоведение, постколониальные студии, этноимагология. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Інформація про автора / Довідка про автора (українською мовою) / Information about the Author (in Ukrainian):

Надія Георгіївна Колошук, доктор філологічних наук, професор кафедри теорії літератури та зарубіжної літератури Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки, місто Луцьк, Україна. Закінчила філологічний факультет Київського державного університету імені Т. Г. Шевченка в 1982 році, спеціальність – філолог-русист («філолог, викладач російської мови і літератури»). Кандидатську дисертацію на тему «*Авторська позиція в сучасній прозі про село (на матеріалі автобіографічних творів В. Астаф'єва, М. Каріма, М. Алексєєва)*» захистила 1991 року в Київському державному університеті імені Т. Г. Шевченка. Спеціальність – «Література народів СРСР». Докторську дисертацію на тему «*Табірна проза як літературний феномен XX століття (на матеріалі української, російської, білоруської і польської літератури)*» захистила у 2007 році в Інституті літератури імені Т. Г. Шевченка Національної академії наук України (Київ). Спеціальність – «українська література» + «література слов'янських народів». Опублікувала дві книги і понад 130 наукових статей (без співавторів) статей в Україні, Росії, Білорусі, Польщі. Книги: *Табірна проза в парадигмі постмодерну: Монографія* (Луцьк 2006); *Іван Багряний: домінанти творчості та проблеми вивчення: посібник* (Луцьк 2010). Наукова спеціалізація: літературознавець, славист. Наукові інтереси: історія української та слов'янських літератур XX століття, документальна / нефікційна література, порівняльне літературознавство, постколониальні студії, етноімагологія. E-mail: n_koloshuk[at]ukr.net

Звесткі пра аўтара (па-беларуску) / Information about the Author (in Belarusian):

Надзея Георгіеўна Калашук, доктар філалагічных навук, прафесар кафедры тэорыі літаратуры і замежнай літаратуры Усходнеўрапейскага нацыянальнага ўніверсітэта імя Лесі Українки, горад Луцк, Украіна. Скончыла філалагічны факультэт Кіеўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Т. Г. Шаўчэнкі ў 1982 годзе; спецыяльнасць — філалаг-русіст (“філалаг, выкладчык рускай мовы і літаратуры”). Кандыдацкая дысертацыя па тэме “Аўтарская пазіцыя ў сучаснай прозе пра вёску (на матэрыяле аўтабіяграфічных твораў У. Астаф’ева, М. Карыма, М. Аляксеева)”; абарона адбылася ў 1991 годзе ў Кіеўскім дзяржаўным універсітэце імя Т. Г. Шаўчэнкі. Спецыяльнасць — “Літаратура народаў СССР”. Доктарскую дысертацыю па тэме “Лагерная проза як літаратурны феномен XX стагоддзя (на матэрыяле ўкраінскай, рускай, беларускай і польскай літаратуры)” абараніла ў 2007 годзе ў Інстытуце літаратуры імя Т. Г. Шаўчэнкі Нацыянальнай акадэміі навук Украіны (Кіеў). Спецыяльнасць — “украінская літаратура” + “літаратура славянскіх народаў”. Апублікавала дзве кнігі і звыш 130 артыкулаў (без суаўтараў) ва Украіне, Расіі, Беларусі, Польшчы. Кнігі: *Лагерная проза ў парадыме постмадэрну: Манаграфія* (Луцк 2006); *Іван Багряний: дамінанты творчасці і праблемы вывучэння: дапаможнік* (Луцк 2010). Навуковая спецыялізацыя: літаратуразнавец, славіст. Навуковыя інтарэсы: гісторыя ўкраінскай і славянскіх літаратур XX стагоддзя, дакументальная /літаратура факту, параўнальнае літаратуразнаўства, посткаланіяльныя даследаванні, этнаімагологія.

[Тлумачэнне на беларускую мову: Eugeniusz Pańkow i Olga Pańkowa]